

Торшилова Елена Михайловна
доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
ФГБНУ «Институт художественного образования
и культурологии Российской академии образования»,
Torshilova E.M.
Doctor of philosophical science, Professor
Federal State Budget Scientific Institution
«Institute of Art Education and Cultural Studies of the Russian Academy of Education», Leading
Researcher
E-mail: etorsh@mail.ru

РАЗВИТОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВКУСА: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ И ДИНАМИКА

Аннотация. В статье рассматривается концепция вкуса, критерии оценки, на основании которых фиксируются уровни развитости художественного вкуса. Возрастная динамика вкуса демонстрирует, что в раннем возрасте дети обладают интуитивным видением искусства, которое утрачивается в условиях традиционной педагогики по модели картезианского образования.

Ключевые слова: эстетическое развитие, восприятие, возрастная динамика, критерии художественного вкуса, дошкольная педагогика

THE DEVELOPMENT OF ARTISTIC TASTE: EXPERIMENTAL CRITERIA AND DYNAMICS

Annotation. The article discusses the concept of taste, evaluation criteria, on the basis of which the development levels of artistic taste are fixed. The age dynamics of taste shows that at an early age children have an intuitive vision of art, which is lost in the context of traditional pedagogy according to the Cartesian education model.

Keywords: aesthetic development, perception, age dynamics, criteria of artistic taste, pre-school pedagogy

Из большой и, как правило, спорной, проблемы уровней развитости художественного вкуса, я выделю несколько аспектов. Очевидные: что считать идеальной моделью развитого художественного вкуса, есть ли у вкуса крите-

рии и отсюда его уровни. Методика, на которую опирались концепция и программа научного коллектива ИХОиК РАО, одним из последних результатов исследования результатов, о которой пойдет речь, - это реализация традиции экспериментальной эстетики как направления психологической эстетики, существовавшей с начала 20 века в России и больше 150 лет за рубежом.

В нашем идеальном варианте развития концепции она базируется на признании первостепенности эстетического компонента в произведении искусства, который экспериментально выявляется в двух случаях: при молчаливом выборе реципиентом лучшего из предложенных репродукций живописи, стихотворений и фрагментов художественной прозы или при присутствии в его словесном отклике о примерах стимульного материала эстетических ориентиров [3, 4]

Если коротко обобщить концептуальные посылки интерпретации природы эстетического восприятия, то это восприятие или чувство формы, которое обеспечивает «бескорыстность» реакции и счастье катарсиса как приобщения к гармонии. Последнее можно зафиксировать опосредованно и субъективно. Остается фиксация отклика на форму произведения искусства, которая либо латентно и непроверяемо участвует в самом художественном предпочтении испытуемым того, а не другого произведения поэзии, прозы или живописи среди включенных в стимульный материал теста, либо как-то, с разной степенью внятности и в разном вербальном «стиле», присутствует в мотивировке ребенком, подростком своего выбора [4].

В самой общей форме к эстетическим вербальным откликам на произведение искусства можно отнести: оценку или описание воспринятого, которые не ограничиваются ссылкой на привязанность к предмету или теме, даже предполагаемой идее изображения («нравится эта картина, потому что люблю собак», «не нравится, потому что не люблю кошек», «нравится, потому что защищает героизм», «не нравится, потому что кто-то сидел в темнице»). К эстетическим откликам таким образом мы относим так или иначе выражен-

ную ссылку на форму, манеру, интонацию, ритм, эмоциональный тон картины или стихотворения, при этом такие ссылки мы вылавливаем в «сплошном» детском отклике. И вовсе не обязательно (лучше – не обязательно), чтобы они предлагались подростком специально, например, от знания, что так надо. Эстетический уровень таких ссылок тем выше, чем больше они связаны с чтением образного смысла произведения, его аспектом или с целым, и тем более - с индивидуальностью автора.

Просто ответ «это красиво», сколь ни спорно, нами в тестовой практике учитывалось в конкретных случаях. Условное тестирование совсем маленьких детей, разговор с детьми трех лет выявил, что растут сегодня дети трех типов: те, которые уже обучены восприятию искусства как познавательной реалистической информации, вне всякой специфики информации образной, дети, которые просто не доросли до дилеммы выбора и, наконец, одаренные дети, которые способны к восприятию в гармонии чувства и разума, которую ни в коем случае не надо разрушать [8].

Первые убежденно не склонны выбирать картинки, на которых неизвестно что нарисовано. Вообще предпочесть то, что ты не понимаешь вовсе, нельзя ни в трехлетнем, ни в сорокалетнем возрасте. Как-то присвоить предмет оценки необходимо. И тогда срабатывает воспитанный прежде опыт сравнения с предметом. И если установки на свободу эмоционального отклика у ребенка нет, он себе ее не позволяет (уже в три года!), значит, он усвоил, что обязан быть «умным» и прежде всего понять, как в играх в лото, где жаба, а где зонтик. Есть дети, которые просто не понимают, что значит: выбрать. И есть талантливые дети, которые либо чувствуют настроение образа миски, из которой волки пьют, или говорят, про таинственную фотографию длинных темных водорослей, что это «мышеловка» (в старом нашем опросе), находя этому изображению образ, либо, не смущаясь неправдоподобием,, определяют, что сине-зеленые комочки с хвостами кверху, над блюдцем, но

без ушей и носов, на натюрморте П.Гогена – это «Собачки. Кушают». Никто, кроме трехлетнего Саши, включая воспитательницу, этого не увидел.

Начиная с четырех лет, дети в целом проявляют естественно большую определенность в оценках живописи и картинок вообще, но, как правило, их предпочтения отличаются от старших возрастных групп в лучшую, по нашим критериям, сторону. Почему так – требует специального исследования, к гипотезам которого я вернусь в конце этого разговора, но саму динамику уровней предпочтений или тем самым развитости художественного вкуса детей 4-9 лет покажу и прокомментирую.

В последнее тестирование развитости эстетического восприятия и вкуса детей были включены две пары репродукций картин, в каждой из которых одна была образцом живописи, ставшей классикой. Поэтому восприятие ее предполагало проявление ребенком вневременного эстетического чутья к красоте непреходящей, прошедшей через время.

Это прежде всего «Портрет дамы» кисти Рогир ван дер Вейдена и фронтальный «Автопортрет» А.Дюрера. По внешней атрибутике изображены «старинные» люди, в непривычной одежде, далекие от современного ребенка. Но нашлись дети, которые в свои четыре года отроду предпочли Даму Рогир ван дер Вейдена красавице Воронцовой. Вот эта динамика возрастного выбора: «Портрет дамы» кисти Рогир ван дер Вейдена предпочли портрету кисти Д.Хейтера 34% четырехлетних детей, 28% - пятилетних, 23% шестилеток, 13% семилетних детей-первоклашек и ни один ученик из третьего класса. Автопортрету Дюрера в восприятии детей повезло чуть менее определенно, но все-таки 33% пятилетних детей, выбирая из трех мужских портретов, нашли, что он лучше, чем хороший, но не безусловный портрет «Мужчины в шляпе» Я.Косьера и очевидно стандартный «рыцарь» на портрете Э.Э.Феро. Среди шестилетних и семилетних детей сторонников А.Дюрера оказалось 23% и 27%, а среди девятилетних учащихся третьего класса он понравился только 10% детей. Мужчина в шляпе, по словам неко-

торых, похожий на мушкетера, но прежде всего – обладатель роскошных кружевных манжет, понравился 70% третьеклассников, и мальчиков, и девочек.

Почему так? Причины такой динамики критериев детского художественного восприятия и тем самым вкусовой оценки могут быть только гипотезой. Но не только результаты этого опыта, но и результаты некоторых кросс-культурных исследований развитости художественного восприятия и вкуса людей разных культур и национальностей могут быть основанием для ее вероятности. Можно предположить, что ребенок до пяти лет обладает эстетическим чутьем, которое дальше у большинства детей «выправляется» системой рационализации познания мира, педагогической узостью преимущественного развития интеллекта, лишая ребенка вариативности восприятия, воображения, фантазии и гармонии интеллекта с эмоциональным развитием [5].

По данным исследования начала 90-х годов больше 40% четырехлетних детей выбирало необычные картинки, треть – пятилетних, меньше трети – шестилетних, а к семи годам таких детей очень мало. Традиционная система общего образования акцентирует внимание ребенка на соблюдение правил и норм в восприятии, оценке и творческой деятельности и не стимулирует его потенциальные возможности выйти за пределы правил художественного ремесла и искать новизну подхода.

Выявленная нами тенденция возрастной динамики художественного вкуса в целом очевидна. С возрастом укрепляется вкусовое единодушие. В чем-то уверены и почти единодушны уже трехлетние дети. Они уже научились видеть «правильно» и интуитивную гармонию видения потеряли. И они уже знают (судя по нашим первым опросам в конце прошлого века), что белый с золотом и цветочками фарфор лучше темной и нарисованной в странной перспективе миски Пикассо. Большинство трехлеток уже знало, что аккуратная, с пышными волосами, в туфельках и носочках, девочка Ренуара лучше невзрачной, растрепанной и босой Золушки Ф.Уде, а добрая, хоть и

чернобелая, собачка симпатичнее зубастого то ли льва, то ли бульдога из фигурок нэцкэ. Но, тоже, так думали не все дети. А уж их выбор тогда Джейн Сеймур Г.Гольбейна, о чем говорилось выше, удивлял. К четырем годам культурная норма, связанная, конечно, и с психофизиологическими основаниями предпочтения, но ими не ограниченная, уже большинством присвоена. К безусловным ценностям «доброй» красоты добавляется знание, что краснобархатная Воронцова на парадном портрете заведомо лучше аскетично благородной королевы Джейн, отвергается темный и дырявый козлик и побеждают яркие игрушки. И будут побеждать. Создатели и пропагандисты массовых норм красоты могут не волноваться. Прочность таких ценностей обеспечена, ее приверженцы сформировались уже в четырехлетнем возрасте. А из этого следуют две вещи: педагогике эстетического воспитания не стоит тратить силы на внедрение норм, которые уже присвоены, или радоваться чуткости к ним большинства детей старше четырех лет; зато стоит тратить время и силы на привлечение внимания к более сложной красоте и выразительности, достигаемым в дальнейшем развитии человечества, искусства и личности, а не упрекать их всех скопом (человечество, искусство) в заумности и элитарности [6].

Картина эстетического вкуса семилетних детей, растущих сегодня в условиях массового эстетического воспитания, уже вовсе уныла и поразительна массовой уверенностью детей в том, что красиво, а что – нет.

Остаются редкие чудики, которые своим выбором могут поддержать наши надежды. И это не обязательно инфантильные дети. Кто-то из них действительно сохранил невинную свободу и эмоциональность выбора, а кто-то «сумел» гармонизировать ее с явным развитием интеллекта. Такие дети, в наших прежних опросах, поясняли нам, что в нэцке «больше искусства», чем в фотографии песика.

В целом ориентиры массового вкуса на истину, добро и красоту в элементарном проявлении – базовые, объективные и закономерные. Как они об-

ретаются ребенком, мы не выясняли. Но без специального развития ценности, на базе которых складываются ориентиры массового вкуса, остаются на всю жизнь. При этом специальный критерий правдоподобия, поскольку речь идет об искусстве как подражании, отражении, изображении действительности, остается, с одной стороны, во всей системе образования как результат объективно необходимого познавательного развития ребенка в культуре просвещения (и массовая практика художественного развития подчиняется познавательному, преимущественно интеллектуальному), с другой – с постоянным перебором в сторону приоритета научного мировосприятия. Особенности национальной культуры все-таки могут корректировать даже законы общего возрастного развития. Культурная традиция Японии, которую характеризует, насколько я берусь судить, больший, чем в Европе, интерес и уважение к красоте формы «самой по себе», обеспечили, даже в нашем небольшом кросс-культурном исследовании, несколько большее приятие формальных «искажений» в предлагаемых к выбору изображений японскими детьми в отличие от наших и американских/Но если культура ориентирована на естественно-научную модель образования, гармоничность эстетического развития как развития окажется уделом немногих [2,7].

Объективная необходимость успешной «правильной» ориентации, соответствующей факту, а не образу мира, заставляет ребенка, который растет, и предпочитать понятное и правдоподобное и гордиться своими успехами в этом плане. И поощряются всеми, родителями, воспитателями, «чужими» взрослыми именно такие успехи ребенка. Поэтому доля склонных к эстетически-образному восприятию во всех возрастных группах меньше, чем «реалистов». Но трех - и четырехлетние дети, по нашим данным, оказываются наиболее свободны в своем выборе. Пройдя первый искус своих успехов в понимании и присвоении истины мира, некоторые из четырехлетних сохраняют свою эстетическую интуицию, не смущаясь неправдоподобностью картинки или смело находя абстрактному изображению образный эк-

вивалент и делая его тем самым понятным. У детей пяти лет достигнутый раньше (врожденный?) некоторый баланс развития начинает склоняться в пользу приоритета познавательных установок и интересов.

Получается, что в целом с возрастом падает интерес к необычной, творчески преобразенной информации. И влияние в этом направлении общей системы обучения и воспитания, а не только естественных потребностей возраста «быть умным», очевидно. Ведь четырехлетние дети, еще не присвоившие окончательно культурные стандарты, склонны выбирать не обязательно только понятные и «полезные» картинки (например, они еще могут выбрать яркий, многоцветный и энергичный «Водопад» Аршила Горки, а не бесхитростную фотографию сада и человека, везущего яблоки). Около 25% четырехлетних детей выбирали иногда необычные, выразительные картинки, в пять – шесть лет таких детей также процентов 30, в семь лет – таких детей очень мало. Тех, кому не нравится заяц Дюрера, а нравится элементарное фото зайца, тоже много (47%), и к семи годам их становится все больше. Они растут как реалисты. И они перестают реагировать на искусство чувствами и, есть такое слово, эмпатийно. Они не позволяют себе «вчувствоваться» в этого зайца, «про себя» поджать лапки или погладить его. А это часть эстетической реакции, для которой степень сходства с живым зайцем – не самое главное. И, как ни рискованно это звучит, но маленькие дети и Даму Вейдена повторяют собой (так делают бессознательно многие люди, можно сказать, что они так сопереживают, а дети – сопереживают позе) и говорят, как она «сидит» и как это красиво. И поддерживать такое восприятие искусства – одна из целей и методик эстетического развития дошкольников и младших школьников[6].

Почему так? Если коротко и гипотетически, то потому, что образцы классической живописи транслируют вневременные ценности, которые читаются маленькими детьми, не впитавшими еще ценности социокультурные, корректируемые акцентами современности. Они же и побеждают в выборе

детей, растущих в это время. Правда, ценностная иерархия в последние годы несколько меняется. Бездумное у подростков на рубеже 21 века увлечение богатством, успехом, славой на уровне светской тусовки сегодня уверенно заменяется (у подростков с десяти-одиннадцати лет) ориентацией на перво-степенность самореализации.

Откуда они у ребенка, подростка берутся – это не предмет нашего исследования. Есть вполне красивая точка зрения, что любое восприятие искусства не может быть вне-эстетическим. Но это теоретически. Или с расчетом на целиком интуитивную реакцию эстетического восприятия, которая не осознается и не формулируется. А тогда с ней нечего делать ни одной из научных дисциплин, тем более – педагогике. А если все-таки доверять некоторой осознанности эстетических реакций, то можно судить о ней по тому, что говорят дети и подростки, особенно маленькие и старшие.

Не предлагая никаких методик эстетического развития сегодня, я только обозначаю, чего дети лишаются, утрачивая природно интуитивный (?) навык видения, когда он постепенно подстругивается под картезианскую модель образования[1]. Но есть другая проблема, на которую у меня нет ответа. Так или иначе критерии оценки «хорошего» художественного вкуса строятся в нашей модели в соответствии с «классическим» вкусом. Один из моих любимых тестов – вопрос «как тебе кажется, у Андрея Андреевича хороший вкус», относящийся к фрагменту из рассказа А.П.Чехова «Невеста». Фрагмент такой:

«Время шло быстро. На Петров день после обеда Андрей Андреевич пошел с Надей на Московскую улицу, чтобы еще раз осмотреть дом, который наняли и давно уже приготовили для молодых. Дом двухэтажный, но убран был пока только верхний этаж. В зале был блестящий пол, выкрашенный под паркет, венские стулья, рояль, пюпитр для скрипки. Пахло краской. На стене в золотой раме висела большая картина, написанная красками: нагая дама и около нее лиловая ваза с отбитой ручкой.

— Чудесная картина, — проговорил Андрей Андреич и из уважения вздохнул. - Это художника Шишмачевского».

Мы уже привыкли, что никакая ирония подростками не ловится, и вне всякого тестового задания я стала просто спрашивать, хорошо ли что пол выкрашен под паркет, а шуба выкрашена под шиншиллу. И услышала, что это красиво, и никаких представлений о красоте оригинала, а подделка под него - пошлость у детей нет. Никак не развивая эту тему я задумалась и предлагаю задуматься читателю о возможной смене критериев вкуса и об исчезновении прежних. И что же теперь?

Литература

1. Савенкова Л.Г. Воспитание человека в пространстве мира и культуры: интеграция в педагогике искусства. М. МАГМУ-РАНХиГС, 2014.
2. Торшилова Е.М. Как воспринимают эстетическую гармонию русские, американские и японские дети / Психологический журнал, 1993, т. 14, №2.
3. Торшилова Е.М. Шалун или мир дому твоему. Программа и методика эстетического развития дошкольников. М. ИХО РАО, 1998.
4. Торшилова, Е.М. Концепция изучения социокультурного развития современных детей на различных возрастных этапах / Е.М. Торшилова // Педагогика искусства: сетевой электронный научный журнал. – 2014. – № 4. – URL <http://www.art-education.ru/AE-magazine/new-magazine-4-2014.htm>.
5. Alekseeva, L.L., Savenkova, L.G. Art classes at school and intellectual and creative child development [Text] / L.L. Alekseeva, L.G. Savenkova // Espacios. – Vol. 38 (Nº 56). – Year 2017. – Page 3. 0798-1015
6. Boyakova, E.V., Torshilova, E.M. Research of aesthetic development of preschool and primary school children [Electronic resource] // Espacios. — 2017. — Vol. 38 (№ 56). — P. 8.

7. Child I.L. Iwao S. Young children,s preferential responcees to visual art. Scientific Aesthetics. 1977, v. 1, no. 4, p. 291–304.
8. Torshilova, E.M., Polosukhina, I.A., 2016. The influence of modern adolescent’s vision of life on their perception of art. International Journal of Environmental and Science Education, 11 (18): 10751-10759.